

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – С. 66-73.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО;
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

УДК 347.113(470)

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 66-73

**ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛОГИИ ЗАКОНА К ГРАЖДАНСКИМ
ПРАВООТНОШЕНИЯМ**

Абдуллаев Л. Ш.

Севастопольский государственный университет

В статье обосновывается необходимость проявления большего внимания к содержанию п. 1 ст. 6 ГК при применении к гражданским правоотношениям аналогии закона. Что касается тех случаев, когда основания применения норм гражданского права по аналогии изложены неполно или неудачно (если обнаруживается неполнота или неудачность законодательных формулировок), выход надо искать не в отступлении от буквы закона, а в поиске тех законодательных положений, которые подлежат преимущественному применению перед пунктом 1 ст. 6 ГК. К таким законодательным положениям относится ст.11 ГПК и ст. 13 АПК. Однако в научной литературе средства разрешения коллизий между ст.6 ГК, с одной стороны и ст. 11 ГПК и ст.13 АПК – с другой, никогда не рассматривались. В статье осуществляется попытка разрешения указанных коллизий. При этом используется методологический инструментарий, разработанный крымскими учеными юристами.

Ключевые слова: аналогия закона; закон; гражданское законодательство; правовые коллизии; правовые нормы.

Применение аналогии закона к гражданским правоотношениям, как это сложилось к настоящему времени, подчиняется устойчивым стереотипам, которые признаются и практикой правоприменения и наукой гражданского права. И это положение не ставится под сомнение, как будто законодательство, касающееся рассматриваемой сферы, достигло вершины совершенства, а практика правоприменения – полного соответствия закону. Однако это – не так. И у законодательства, в том числе того, которому посвящается настоящая статья, нет пределов для совершенствования, и у практики правоприменения нет пределов для совершенствования, хотя бы это совершенствование и заключалось исключительно в его приближении к требованиям закона. Если это утверждение является правильным, что автор и попытается показать в настоящей статье, то следует согласиться и с тем, что её тема соответствует требованию актуальности.

Аналогия гражданского закона привлекает внимание ученых в течение всего времени существования науки гражданского права. Уже признаваемый всеми основоположником российского гражданского права Д.И. Мейер обращается к проблеме аналогии закона [1, с. 74–75]. Впоследствии эта проблема стала предметом внимания российских дореволюционных, советских и постсоветских российских ученых.

Целью настоящей статьи является выяснение содержания правовой конструкции применения аналогии закона к гражданским правоотношениям на основе положений действующего законодательства и определение того, в какой мере

соответствуют этому содержанию практика правоприменения и теоретические положения, разработанные или разрабатываемые в науке гражданского права.

Пункт 1 ст. 6 ГК устанавливает, что аналогия закона применяется в случаях, когда «предусмотренные пунктами 1 и 2 ст. 2 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай...». Приведенная здесь небольшая выдержка заставляет поставить целый ряд вопросов, которые требуют своего разрешения. В противном случае практика правоприменения так и будет оставаться в промежутках между правовыми нормами и не подчиняться полностью ни одной из них. Наука тоже склонна к формулированию обобщений, попадающих в промежутки между правовыми нормами. Видно, недаром эпиграфом к своей монографии [2] один ученный – юрист выбрал слова выдающегося советского музыканта Юрия Темирганова «музыка таится не в черных значках, испещряющих партитуру, а в пространстве между ними». Представляется, что юристам уже пора отказаться искать право в промежутках между правовыми нормами или между строчками нормативных правовых актов.

И действительно, указанный в п. 1 ст. 6 ГК перечень источников гражданского права, которые могут регулировать отношения, указанные в п. 1 и 2 ст. 2 ГК и которые исключают (могут исключать) применение аналогии закона, является явно неполным. В частности, общепризнанно, что таким источником являются акты соответствующих судебных инстанций. Но они в п. 1 ст. 6 ГК не называются. А в научной и учебной литературе судебные акты вроде бы и признаются источниками гражданского права, но при этом авторы предпочитают ссылаться не на закон, который даёт основания для такого признания, а на труды своих коллег [3, с. 66]. Но ведь в науке утверждается, что, кроме названных в п. 1 ст. 6 ГК источников и судебных актов, к источникам гражданского права следует отнести корпоративные акты и науку гражданского права [4, с. 182–184; 186–188], а также социологический и аксиологический компоненты [5, с. 613–707]. Целью настоящей статьи не является исследование источников гражданского права. Но все же определение круга источников гражданского права, вытекающее из Гражданского кодекса, должно быть приведено в соответствие хотя бы со ст. 180, 310, 341 КАС, ст. 198, 330, 379.7, 390.14, 391.9 ГПК, ст. 170, 270, 291.11, 288, 308.8 АПК. Соответственно должны быть внесены и изменения в п. 1 ст. 6 ГК.

Далее, все-таки необходимо было бы как-то решить проблему толкования слова «законодательство», которое в творительном падеже употребляется в положении п. 1 ст. 6 ГК. Проще всего было бы сослаться на п. 2 ст. 3 ГК, в соответствии с которым «гражданское законодательство состоит из настоящего Кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в пунктах 1 и 2 ст. 2 Гражданского кодекса». В цитированном законодательном положении непрямо дается определение понятия гражданского законодательства, четко определяются его пределы. Такое узкое понимание термина «законодательство» обосновывалось в теории права [6, с. 27], хотя какого – либо смысла в изменении терминологии, сложившейся в течение десятков лет (хотя бы и в советское время), не было. Но восприятие законодательством упомянутой научной идеи не способствовало разрешению соответствующих правоприменительных проблем, а усложнило их.

Но прежде чем исследовать понятие гражданского законодательства, следует обратить внимание на то обстоятельство, что при определении круга источников гражданского права, неурегулированность отношений которыми является основанием для применения аналогии закона, названо, в частности законодательство. В этой связи возникают вопросы о том, можно ли термин «законодательство», употребляемый в творительном падеже в первой половине текста п.1 ст.6 ГК, понимать, как гражданское законодательство. Представляется, что контекст рассматриваемого законодательного положения вполне это позволяет: в нем речь идет о соглашениях и обычаях, признаваемых регуляторами гражданских отношений (отношения, регулируемые гражданским правом). Следовательно, и под термином «законодательство» понимается то законодательство, которое регулирует гражданские отношения, то есть законодательство гражданское. Этот вывод согласуется с научными представлениями о месте гражданского права в системе права: гражданские отношения могут регулироваться (хотя бы и в порядке аналогии закона) только такими нормативно – правовыми источниками как акты гражданского законодательства (акты, содержащие нормы гражданского права).

Далее, следует обратить внимание на то обстоятельство, что понятие гражданского законодательства логически нестрого определено в п.2 ст.3 ГК (это определение никак не может быть отнесено к категории классификационных). Мы не будем анализировать требование к законам, претендующим на отнесение их к актам гражданского законодательства, соответствовать Гражданскому кодексу. Но нельзя пройти мимо вытекающего из п. 2 ст. 3 ГК выведения всех подзаконных актов за пределы понятия гражданского законодательства, что является совершенно неприемлемым. Вот и в случае с п. 1 ст. 6 ГК толкование термина «законодательство» в соответствии с определением соответствующего понятия в п. 2 ст. 3 ГК приводит к возникновению огромного количества коллизий в гражданском праве, которые угрожают всеобъемлющей дезорганизацией гражданско-правового регулирования соответствующих общественных отношений. В таком случае придется сделать вывод о том, что указанные отношения регулируются только законами, содержащими нормы гражданского права, соглашениями сторон и обычаями. При отсутствии такого урегулирования применению подлежат законы (в порядке аналогии закона) и положения, названные в п. 2 ст. 6 ГК (в порядке аналогии права). Места для применения источников, указанных в пункте 3, 4 и 7 ст. 3 ГК (указов Президента, постановлений Правительства и актов министерств, иных федеральных органов исполнительной власти), не остаётся.

Правда, относительно указов Президента и постановлений Правительства законодатель в п.6 ст.3 ГК сделал специальную оговорку о том, что их действие и применение определяются правилами главы 1 Гражданского кодекса. Следовательно, и положение п.1 ст.6 ГК, предусматривающее применение в порядке аналогии закона «гражданского законодательства», предполагает применение в порядке аналогии закона также и указов Президента и постановлений Правительства.

Но за пределами и определения понятия гражданского законодательства в п.2 ст.3 ГК, и положения п.6 ст.3 ГК, содержание которого выше изложено, остались содержащие нормы гражданского права акты министерств и других федеральных органов исполнительной власти, изданные в случаях и пределах, предусмотренных

Гражданским кодексом, другими законами и иными правовыми актами (п.7 ст.3 ГК). Совершенно очевидно, что ст.3 ГК выводит акты, указанные в пункте 7 ст.3 ГК, за пределы понятия гражданского законодательства. Возникает острая коллизия между п.7 ст.3 ГК, признающим соответствующие акты источниками гражданского права, и п.1 ст.6 ГК, который не исключает применения аналогии закона к отношениям, урегулированным актами, которые в соответствии со ст.3 ГК не охватываются понятием гражданского законодательства, или хотя бы актов, которые в соответствии с п.6 ст.3 ГК действует и применяется по правилам гл. 1 ГК.

Современные ученые разрешают эту коллизию элементарно просто. Применение правил ст. 6 ГК РФ в отношении указов Президента РФ и Правительства РФ прямо вытекает из п. 6 ст. 3 ГК, но считается, что нет никаких оснований блокировать восполнение в соответствии с механизмами, указанными в ст. 6 ГК РФ, пробелов в иных подзаконных актах...» [7, с. 461]. В данном случае, как и в многочисленных других, А. Г. Карапетов в основу интерпретации законодательных положений кладет политико-правовые резоны. Но обращение к такому средству правотолкования, естественное в условиях американской правовой системы, в России выглядит весьма проблематичным. Эту проблему, по крайней мере, надо было бы начать всестороннее обсуждать хотя бы в научной (говорить об обсуждении этой проблемы в судейской или хотя бы в научно – судейской среде было бы нереально: обстановка явно не располагает) среде. В научном произведении провинциального автора, к тому же начинающего ученого, такая аргументация не выглядела бы убедительной. Поэтому обращаем внимание на то, что последовательное применение п.1 ст.6 ГК будет полностью исключать применение огромного нормативного массива, который в соответствии с п.7 ст.3 ГК все – таки должен действовать и применяться. Нельзя предположить, что, действуя разумно, законодатель мог допустить существование нормативного массива, о котором речь идет в п.7 ст.3 ГК, и тут же полностью исключить этого нормативного массива. С учетом этого и принципа разумности (п.2 ст.6 ГК) коллизию между п.1 ст.6 ГК и п.7 ст.3 ГК все – таки следует решать в пользу последнего из двух названных законодательных положений. Таким образом, урегулированность гражданских отношений актами, указанными в п.7 ст.3 ГК, исключает применение к таким отношениям аналогии закона.

В соответствии с п. 1 ст. 6 ГК применению аналогии закона препятствует «прямое» урегулирование соответствующих отношений законодательством, соглашением сторон и обычаями. Слово «прямое» в контексте п. 1 ст. 6 ГК надо понимать так, что есть два способа правового регулирования – прямое и в порядке аналогии закона и права. Для сравнения приведём формулировку п. 4 ст. 809 ГК: «Договор займа предполагается беспроцентным, если в нем прямо не предусмотрено иное, в случаях...». И в п. 1 ст. 6 и в п. 4 ст. 809 ГК употребляется одно и то же слово – «прямое». Но значение его в контексте п.1 ст. 6 ГК будет одним (охватывать все способы закрепления правовых норм), а в контексте п. 4 ст. 809 ГК – совершенно иным (проблема прямого и непрямого текстуального, а также логического закрепления правовых норм исследуется в одной из монографий [5, с.179–227]).

В п. 1 ст. 6 ГК употребляется термин «аналогия закона». В этой связи А.Г. Карапетов пишет: «... очевидно, что данная идея носит более универсальный характер» [7, с.460]. Полагаем, что мысль, высказанная известным учёным,

нуждается в уточнении. Суть проблемы в том, что «аналогия закона» – это термин, обозначающий соответствующее понятие. А текст п. 1 ст. 6 ГК, предшествующий указанию на термин «аналогия закона» (в скобках), раскрывает содержание соответствующего понятия законодателем. Поэтому данный текст не может не иметь при правоприменении преимущества перед термином: термин – это символ. Термины – результат договорённости в соответствующей научной среде. В физико – математических науках понятия вообще обозначаются математическими символами. Следовательно, если аналогия закона как определенное понятие и определённая правовая конструкция предполагает применение гражданского законодательства, то с учётом изложенного выше применению в порядке аналогии закона подлежат не только законы (федеральные), но и указы Президента, постановления Правительства, а также акты министерств и других федеральных органов исполнительной власти, соответствующие требованиям п. 7 ст. 3 ГК.

При этом субординационная взаимосвязь между нормативными правовыми актами ограничивает только выбор подлежащего применению в порядке аналогии закона нормативного правового акта (выбор, конечно же, должен делаться пользу акта большей юридической силы), но не ограничивает саму возможность применения нормативных правовых актов, предусмотренных ст.3 ГК, в порядке аналогии закона. Представляется, что А.Г. Карапетов проявил неоправданную осторожность, когда допустил применение в порядке аналогии закона подзаконного нормативного акта к отношениям, урегулированным в целом другим подзаконным актом, и применение закона в порядке аналогии закона к отношениям, урегулированным в целом подзаконным актом, но удержался от того, чтобы указать на возможность применения в порядке аналогии закона подзаконного акта к отношениям, регулируемым в целом законом [7, с.460]. Правда, ниже А.Г. Карапетов останавливается на проблеме возможности применения в порядке аналогии закона к отношениям, в целом урегулированным законом, при их неурегулированности, в соответствующей части, подзаконных актов и приводит к выводу, что это возможно, хотя является дискуссионным и требующим дополнительной аргументации, которую он и приводит [7, с. 461]. Однако такая возможность уже предусмотрена текстом п. 1 ст. 6 ГК.

Проблема возможности применения межотраслевой аналогии закона привлекала внимание учёных, но она никогда не решалась на законодательной основе. Так, п. 1 ст. 6 ГК допускает возможность применения в порядке аналогии закона «гражданского законодательства». Следовательно, нормативные правовые акты, которые не могут быть отнесены к актам гражданского законодательства, к отношениям, регулируемым гражданским законодательством, в порядке аналогии закона применяться не могут. Временный порядок взаимодействия субъектов и участников системы обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний по вопросам медико-социальной экспертизы, медицинской, социальной и профессиональной реабилитации застрахованных и оплаты расходов на её проведения, утвержденный Министерством труда и социального развития Российской Федерации 19 апреля 2000 г. (приказ №2726 – АО), Министерством здравоохранения 18 апреля 2000 г. (приказ № 2510/4245 – 23), Фондом социального страхования 18 апреля 2000 г. (постановление №02 – 08/10 – 943 п.), как указано в его пункте 1.1, разработан в соответствии с

Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» и, следовательно распространяется на лиц, работающих на основании трудового договора, договора гражданско-правового характера, если указанным договором предусмотрена уплата страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (п. 1.2). Следовательно, его прямое применение к отношениям, регулируемым гражданским правом, исключается, а п. 1 ст. 6 ГК исключает применение указанного Временного порядка к отношениям, регулируемым гражданским правом, также и по аналогии.

Конституционный Суд констатировал, что суд общей юрисдикции в деле о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья, на основании ст. 1085, 1087 ГК применил упомянутый выше Временный порядок (Постановление от 25 июня 2019 г. № 25 – П), но какой – либо оценки такому правоприменению не дал. Между тем, такая оценка была необходима, поскольку, во – первых, Временный порядок не является актом гражданского законодательства, на что выше уже указывалось. Во – вторых, отношения, к которым был применен Временный порядок, не были сходны с теми отношениями, которые этот Временной порядок регулирует. Это сходство вообще – то есть. Но оно не соответствует контексту п.1 ст.6 ГК, в соответствии с которыми не могут признаваться сходными отношениям, регулируемые разными отраслями права.

Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» и изданные на его основании подзаконные правовые акты регулируют отношения по поводу возмещения вреда, осуществляемого в форме страховых правоотношений. Размеры такого возмещения определяются в основном указанным ФЗ, а частично – упомянутым Временным порядком. С учётом установленных размеров возмещения определяются размеры обязательных взносов страхователей. Можно утверждать и обратное: размеры обязательных платежей (взносов) на социальное страхование зависят от размеров выплат, осуществляемых в пользу застрахованных. Одно бесспорно: бюджет социального страхования должен быть сбалансирован – выплатить застрахованным больше, чем поступило взносов на социальное страхование невозможно, (мы здесь не затрагиваем возможную дотацию Фонду социального страхования из бюджета, поскольку это – разовая или временная мера).

Поэтому Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», в отличие от Гражданского кодекса, не предусматривает полного возмещения вреда, но не ограничивает право на возмещение вреда сверх размеров, установленных указанным Федеральным законом, если такое возмещение предусмотрено законодательством (п. 2 ст. 1 названного ФЗ). Относительно морального вреда, причинённого застрахованному лицу в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, п. 3 ст. 8 упомянутого ФЗ прямо устанавливается, что он возмещается причинителем вреда в гражданских правоотношениях, то есть в страховых правоотношениях моральный вред вообще не возмещается.

При таких условиях применение к гражданско-правовым отношениям по аналогии положений, которые регулируют отношения по поводу обязательного социального страхования, ограничивает права потерпевших на возмещение вреда,

установленные Гражданским кодексом. Хотя такое правоприменение и имеет место, на что указывается в Постановлении Конституционного Суда от 25 июля 2019 г. № 25 – П, позиция Верховного Суда по этому вопросу является иной. Не допуская ограничения размера возмещения вреда в гражданско-правовых формах путем применения к гражданским правоотношениям по аналогии законодательства о социальном страховании, Верховный Суд допускает применение гражданского законодательства к страховым правоотношениям, если законодательство о социальном страховании не предусматривает полного возмещения вреда: «Если в ходе подготовки к судебному разбирательству дела о возмещении вреда, причинённого жизни или здоровью застрахованного, или в ходе его рассмотрения будет установлено, что обеспечение по страхованию не компенсирует в полном объёме причинённый истцу вред, суд на основании статьи 12 ГПК РФ разъясняет истцу право на предъявление требований к причинителю вреда (работодателю (страхователю) или лицу, ответственному за причинение вреда), после чего решает вопрос о привлечении его к участию в деле в качестве ответчика» (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»).

В поисках путей разрешения рассматриваемой коллизии обращаемся к ч.3 ст.11 ГПК, в соответствии с которой «в случае отсутствия норм права, регулирующих спорное отношение, суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона)». Подобное правило установлено ч.6 ст.13 АПК. Обои названными законодательными положениями установлены нормы процессуального права (гражданского и арбитражного). Это подтверждается содержащимися в них указаниями на то, что «суд применяет нормы права». Возникает вопрос о том, каково соотношение ч.3 ст.11 ГПК и ч.6 ст.13 АПК, с одной стороны, и п.1 ст. 6 ГК – с другой. Уместно ли вообще ставить вопрос о коллизиях между правовыми нормами, устанавливаемыми указанными положениями процессуальных кодексов, с одной стороны, и правовой нормой, устанавливаемой п.1. ст. 6 ГК?

При первом приближении возникает мысль о том, что нормы процессуального права и нормы материального (гражданского) права регулирует разные отношения, поэтому возникновение коллизии между ними исключается. Однако это – лишь первый вывод. Требуется углубление в сущность проблемы.

Хотя ч. 3 ст. 11 ГПК и ч. 6 ст. 13 АПК закрепляют нормы процессуального права, все юридическое содержание указанных законодательных положений к нормам процессуального права не сводится. Давая суду предписания о правовых нормах, которые следуют применять к спорным отношениям, п. 3 ст. 11 ГПК и п. 6 ст. 13 АПК логически закрепляют материально – правовые нормы, которыми определяются нормы, подлежащие применению к спорным отношениям, то есть нормы, регулирующие спорные отношения (но не прямо, а в порядке аналогии закона). Если спорными являются гражданские отношения, то и логически закрепленные в ч. 3 ст. 11 ГПК и ч. 6 ст.13 АПК правовые нормы предписывают применять к гражданским отношениям правовые нормы, регулирующие сходные отношения, независимо от отраслевой принадлежности этих правовых норм. Примером применения к гражданским отношениям правовых норм другой отраслевой принадлежности могут быть нормы права социального страхования,

регулирующие отношения по поводу капитализации платежей, установленные Порядком внесения в Фонд социального страхования РФ капитализированных платежей при ликвидации юридических лиц – страхователей по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденный Постановлением Правительства от 17 ноября 2000 г. № 863, и методикой расчета размера капитализированных платежей для обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденной Постановлением Фонда социального страхования РФ от 30 июля 2001 г. № 72.

В заключение сделаем вывод о том, что проблема применения в порядке аналогии закона правовых норм, которые имеются в виду в п. 1 ст. 6 ГК, ст. 11 ГПК, требует дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2000. – 831 с.
2. Шевчук С.В. Судова правотворчість: світовий досвід і перспективи в Україні – К.: Реферат, 2007. – 640 с.
3. Гражданское право: учебник : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т.1 – М.: Статут, 2019. – 576 с.
4. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т.1. Введение в гражданское право. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
5. Новейшее учение о толковании и права / Под ред. В. Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.
6. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. – М.: Норма, 2001. – 394 с.
7. Основные положения гражданского права: комментарий к статьям 1 – 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: Статут, 2020. – 1469 с.

Abdullaev L. Sh. Application of the analogy of the law to civil relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 66-73.

The article substantiates the need to pay great attention to the content of paragraph 1 of Article 6 of the Civil Code when applying the analogy of the law to civil legal relations. As for those cases where the grounds for applying the norms of civil law by analogy are incomplete or unsuccessful. If there is a lack of completeness or failure of legislative wording, the way out should not be sought in a deviation from the letter of the law, but in the search for those legislative provisions that are subject to preferential application before paragraph 1 of Article 6 of the Civil Code. Such legislative provisions include Article 11 of the Civil Procedure Code and Article 13 of the Agro – Industrial Complex. However, in the scientific literature, the means of resolving conflicts between Article 6 of the Civil Code, on the one hand, and Article 11 of the Civil Code and Article 13 of the Agro – Industrial Complex, on the other, are never considered. The article attempts to separate these collisions. At the same time, the methodological tools developed by the Crimean Legal Scientists are used.

Keywords: analogy of the law; law; civil legislation; legal conflicts; legal norms.

Spisok literatury:

1. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. – М.: Statut, 2000. – 831 s.
2. SHEvchuk S.V. Sudova pravotvorchist': svitovij dosvid i perspektivi v Ukraїni – K.: Referat, 2007. – 640 s.
3. Grazhdanskoe pravo: uchebnik : v 4 t. /otv. red. E.A. Suhanov. T.1 – М.: Statut, 2019. – 576 s. s.
4. Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. T.1. Vvedenie v grazhdanskoe pravo. – М.: YUrajt, 2011. – 521 s.
5. Novejshee uchenie o tolkovanii i prava / Pod red. V. G. Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
6. Tihomirov YU.A. Kollizionnoe pravo. – М.: Norma, 2001. – 394 s.
7. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: kommentarij k stat'yam 1 – 16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii. – М.: Statut, 2020. – 1469 s.